

Садко-купецъ и Васька Буслевъ — удалый молодецъ.

алеко на сѣверъ отъ
стольнаго Кіева, гдѣ
князь Владиміръ Красное Солнышко жилъ
да поживаль да съ Ильею и Добры-
нею въ своей свѣтлой палатѣ пироваль,
стоялъ обширный и богатый торговый го-

родъ, по прозванію Великій Новгородъ. Черезъ тотъ богатый городъ текла изъ озера Ильменя большая и быстрая рѣка Волховъ и дѣлила тотъ городъ на-полю. На высокомъ берегу рѣки Волхова стоялъ древній соборъ Св. Софіи Премудрости Божіей, на другомъ—была торговая площадь, и торговали на ней люди добрые всякими товарами, что свозились въ Новгородъ изъ-за моря и изъ всѣхъ концовъ земли свято-Русской. Черезъ рѣку перекинутъ былъ широкій мостъ, по которому и конные и пѣшіе шли и ѣхали съ Софійской стороны на Торговую и съ Торговой на Софійскую.

И жили на Софійской сторонѣ, около церкви соборной, все бояре да начальныя люди, а на Торговой сторонѣ—богатыя купцы и мелкіе торговцы. И былъ тутъ, на берегу Волхова, около самаго торгова, высокій домъ, въ два жилья, съ крытымъ крыльцомъ, на рѣзныхъ столбахъ, росписанныхъ съ позолотою; и жилъ въ томъ домѣ богатѣйшій купецъ, Садко Сытиничъ по

*Отчего же не хвалиться-то мнѣ?—отвѣчалъ
Садко пріятелю.*

Къ стр. 6-й.

прозванію. Торговалъ Садко съ заморскими купцами, посылалъ за море корабли свои десятками, вывозилъ изъ чужихъ земель въ Новгородъ товару на многія тысячи, — богатѣлъ онъ отъ году и до году. Накопилъ онъ въ сундукахъ своихъ безъ счету золотой казны и любилъ передъ всѣми своимъ богатствомъ хвастаться: будто нѣтъ ему во всемъ городѣ равнаго...

И былъ у Садки-купца закадычный другъ — бояринъ Буслай Михалковичъ, старецъ умный, бывалый и опытный. И корилъ Буслай Садку-купца не единый разъ:

— Ты зачѣмъ Садко хвалишься, зачѣмъ богатствомъ величаешься, — ты за свою похвальбу и поплатишься.

— Отчего же не хвалиться-то мнѣ? — отвѣчалъ Садко пріятелю. — Вѣдь я же знаю, что во всемъ Новгородѣ не найдется купца богаче меня. Кто богаче меня, пусть объявится: куплю его и съ товаромъ и со всѣми пожитками.

— Говорю тебѣ — не хвалися! Не

тобою это богатство нажито, а дано тебѣ Божьей волею. Не угодна будетъ Богу похвальба твоя, — нашлетъ на тебя Господь скудость съ бѣднотою, нищету съ наготою.

— За что же такія напасти? Да и чѣмъ же я провинился? Нажилъ я богатство честнымъ торгомъ, живу въ свое удовольствіе и другимъ жить не мѣшаю, не завидую. А и точно, что люблю похвастаться своей казной неисчетною. Кажется, вотъ захочу — искуплю всѣ товары во всемъ великомъ Новѣгородѣ!

— Не искупишь, — напрасно величаешься...

— Анъ, искуплю!

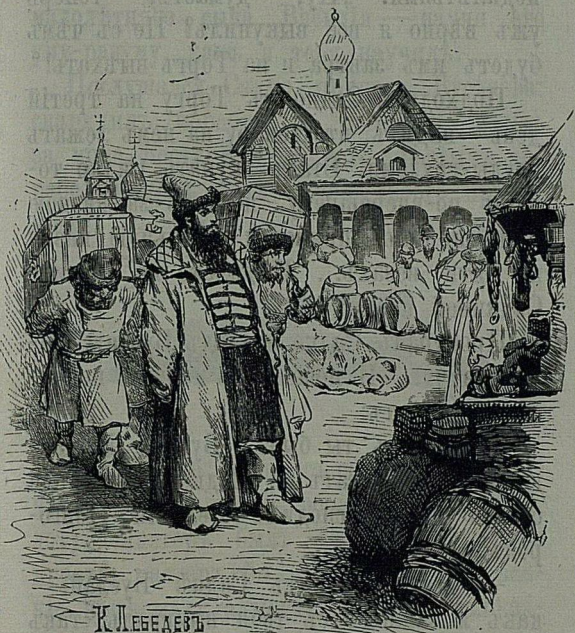
Вотъ пріатели объ закладъ и побились. Надѣваетъ Садко шубу бархатную, темнымъ соболемъ подбитую; надѣваетъ шапку высокую, бобровую, съ парчевымъ верхомъ; обуваетъ на ноги сапоги сафьянные, золотомъ расшитые, жемчугомъ усаженные, — идетъ по всему Торгу Новгородскому, кличетъ кличъ во весь голосъ:

— Гой вы, добрые молодцы, купцы

Новгородскіе, люди Торговые! Побился я, Садко-купецъ, съ Буслаемъ Михалковичемъ о великомъ закладѣ, что я въ три дня выкуплю на свою казну неисчетную всѣ товары новгородскіе. Вывозите же завтра всѣ товары на Новгородскій Торгъ: стану я ихъ выкупать на чистыя денежки, стану я за нихъ платить златомъ-серебромъ.

Послушались Садки купцы Новгородскіе — свезли назавтра на Торгъ товару видимо-невидимо. Пришелъ Садко съ прикащиками, приволокъ съ собою на Торгъ десять сундуковъ съ златомъ-серебромъ и скупилъ всѣ товары новгородскіе, свезъ ихъ въ свои погреба, въ свои амбары, на свои дворы житные и запасные.

Приходитъ Садко на Торгъ на другой день — видитъ, что на Торгу товаровъ вдвое больше вчерашняго. Послалъ онъ съ Торгу прикащиковъ за своею казною несчетною; привезли казну на трехъ телегахъ — и скупилъ Садко всѣ товары новгородскіе до-чиста, свезъ въ свои по-

К ЛЕБЕДЕВЪ

Пришелъ Садко съ прикащиками, приволокъ
десять сундуковъ съ златомъ-серебромъ...

Къ стр. 8-й.

греба съ амбарами, въ свои кладовыя съ подклѣтьями. „Ну, — думаетъ, — теперь ужъ вѣрно я все выкупилъ? Не съ чѣмъ будетъ имъ завтра и на Торгъ выѣхать!“

Подходитъ Садко къ Торгу на третій день — видитъ, что товару на немъ лежатъ груды-грудями. Сталъ скупать Садко товары по-вчерашнему, послалъ за казною прикащиковъ: привезли остальную казну на пяти возахъ... И далеко не^м хватило Садкиной казны!

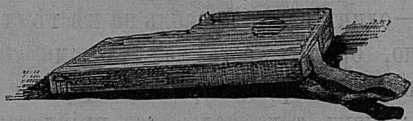
Проигралъ Садко закладъ Буслаю Михалковичу... И пошелъ къ нему съ повинною; говорить:

— Правъ ты былъ, Буслай Михалковичъ! И богатъ я, Садко-купецъ, да богаче меня Господинъ Великій Новгородъ!

— Ну, — говоритъ Садкѣ Буслай, — какъ я закладъ съ тебя выигралъ, такъ ужъ ты теперь исполни мою волю. Ступай на своемъ кораблѣ за море простымъ корабельщикомъ, подъ началомъ своего же прикащика, а я здѣсь за тебя буду тво-

имъ дѣломъ править. А какъ я умру, такъ ты не оставь моей жены и моего малолѣтняго сына Василя — научи его уму-разуму, какъ я тебя научилъ.

Послушался Садко приказа Буслаева: снарядилъ корабль съ товаромъ — плыть за море, поступилъ на него простымъ корабельщикомъ подъ начальъ своего прикащика. Не взялъ онъ съ собою никакой

казны, только взялъ съ собою гусли звончатыя, да взялъ съ собою шашечницу злоту. Мастеръ былъ Садко въ шашки играть; мастеръ былъ и на гусяхъ всякіе напѣвы складывать. Какъ бывало заиграетъ заунывное, все кругомъ разрываются, расплачутся, льютъ слезы безъ счету и удержу; какъ заиграетъ забавное, у всехъ сразу слезы высохнутъ, все смѣютъ

ся, улыбаются, не могутъ Садкѣ надивиться, натѣшиться; какъ ударить плясовую, у всѣхъ ноги сами въ плясъ идутъ, да такія штуки отхватываютъ, что никому и въ умъ не придетъ!

Долго ли, коротко ли плылъ Садкинъ корабль по морю, только вдругъ онъ сталъ на морѣ—и ни назадъ, ни впередъ. „Что за притча?—стали думать корабельщики;—мимо насъ плывутъ кораблики по морю,—одинъ нашъ корабль на мѣстѣ сталъ. Вѣрно, братцы, есть между нами такой человѣкъ, который Морскому Царю не угодилъ: намъ того человѣка прійдется во морскую пучину кинуть“.

И порѣшили они жребій бросить, кому изъ нихъ ко Морскому Царю въ пучину идти? И поднялся Садко на хитрости; говорить:

—Сдѣлаемъ, братцы, жеребьи изъ чурочекъ деревянныхъ,—чья чурочка потонетъ, того и въ пучину бросимъ.

Сдѣлали жеребьи деревянные, а Садко себѣ жребій изъ пера гусинаго сдѣ-

Посадили его на шашешницу и спустили его на воду...

Къ стр. 14-й.

лалъ, всѣхъ легче... Бросили на воду—и всѣ-то жеребьи плаваютъ, а Садкинъ жеребій тонетъ!

— Давайте, братцы,—говоритъ Садко,—еще другіе жеребьи сдѣлаемъ, свинцовые: чей жеребій поплыветъ, того въ пучину бросимъ.

И сдѣлалъ себѣ Садко жеребій тяжело всѣхъ. Смотритъ—всѣ жеребьи потонули, одинъ его жеребій поверхъ воды плыветъ.

— Ну,—говоритъ Садко,—видно ужъ такая моя судьба горемычная! Спускайте меня братцы на воду! Пойду въ пучину къ Морскому Царю.

Посадили его товарищи на шашешницу зѣлоту, дали ему въ руки гусли звончатые и—спустили его на воду. И какъ спустили, подулъ кораблю попутный вѣтеръ, широко раздулъ его парусы; и пошелъ корабль въ морскую даль, а Садко сталъ спускаться на дно морское. И почувалъ онъ подъ ногами землю—всталъ, пошелъ, словно по-суху. Кругомъ смотреть—ди-

Ставъ его Садко учить...

Къ стр. 17-й.

вуется. Стоять кругомъ дерева незнакомыя, растутъ кораллы красные рогатые, губки мохнатыя, бѣгають между ними морскіе пауки пузатые, бродять раки черныя уса-тые... Шелъ Садко, шелъ и набрелъ на палаты хрустальныя, и видитъ—лежитъ въ этихъ палатахъ на лавкѣ Царь Морской. Головища у него моржовая, тѣло сомовое, руки-ноги словно лапы гусинныя, съ перепонками. Какъ вступилъ Садко въ его палаты, такъ и зарычалъ на него Царь Морской:

—Фу, фу, фу—сколько лѣтъ я объ Садкѣ купцѣ слышу, а нынче вотъ Садко и самъ ко мнѣ пришелъ. Чѣмъ ты меня, Садко, потѣшишь?

—Чѣмъ могу я потѣшить твое степенство, - сказалъ Садко-купецъ Царю Морскому,—вѣдь я не знаю, что тебѣ по нраву?

—Ну, коли не знаешь, такъ ступай съ моими чернорабочими камни таскать.

Пошелъ Садко, по приказу царскому, да три года на себѣ камни возилъ. Призы-

ваетъ его въ концѣ третьяго года Царь Морской, посадилъ около себя, рычить ему зычнымъ голосомъ.

— А ну-ка, Садко, пораскинь умомъ-разумомъ, чѣмъ ты можешь меня, Царя, потѣшить?

— Да вотъ развѣ въ шашки тебя играть выучу?

— Ну, ладно, учи меня играть въ шашки“.

Сталъ его Садко учить: годъ училъ, да два года подъ рядъ съ нимъ игралъ — и не могъ его Царь Морской обыграть, разсердился, опять прогналъ его на черную работу... Опять три года Садко изъ песку веревки вилъ; подъ конецъ третьяго года призываетъ его Царь Морской, говорить:

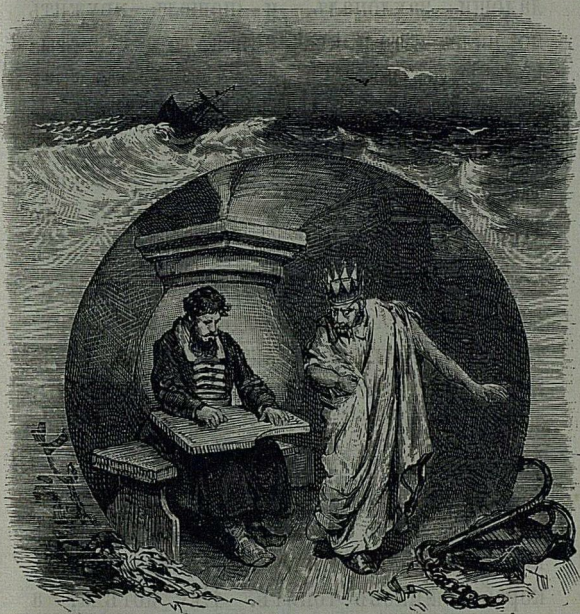
— А ну-ка, Садко, пораскинь умомъ-разумомъ, чѣмъ ты можешь меня, Царя, потѣшить?

— Да вотъ, пожалуй, сыграю тебѣ на гусяхъ звончатыхъ.

— Ну, такъ слушай же: если ты мнѣ

угодишь игрою, да подберешь на гуслахъ хорошую плясовую, я отдамъ за тебя замужъ свою дочку красавицу, дамъ за нею въ приданое половину богатствъ моихъ со всего дна морского... А если мнѣ твоя пѣсня прійдется не по нраву, береги свою голову!”

Сѣлъ Садко на лавку, взялъ въ руки гусли звончатые, сталъ переборомъ по нимъ перстами умѣлыми наигрывать напѣвы веселые, потѣшные. Видитъ—Царь Морской съ лавки поднялся, прислушивается и къ гуслиамъ его присматривается; а тамъ—сталъ глазами моргать и усомъ поводить, ухмыляется. А немного спустя—и совсѣмъ прояснѣлъ, смотритъ весело, ходитъ гоголемъ и посмѣивается... Думаетъ Садко про себя: „погоди же ты, Чудо Морское, я тебя еще и не такъ встряхну!” Да вдругъ всей пятерней какъ ударить лихую, забубенную плясовую... Откуда у Царя Морского и прыть взялась: пустился онъ въ плясъ! Сначала тихонько сталъ перебирать ногами и топтаться на мѣстѣ,

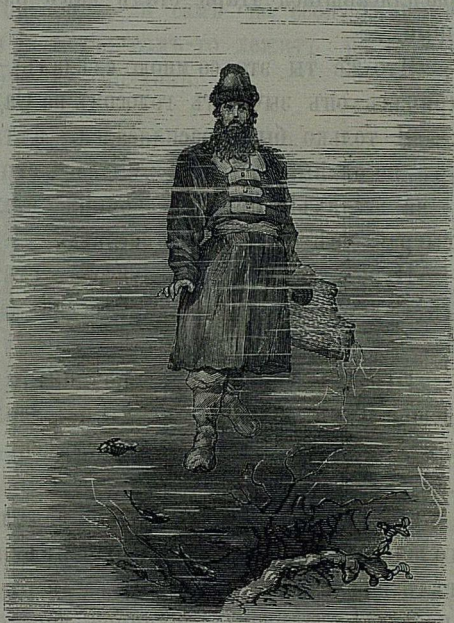

Откуда у Царя Морского и прыть взялась: пу-
стился онъ въ плясъ!

Къ стр. 18-й.

потомъ побойчѣе двинулся въ сторону, потомъ вдругъ заскакалъ, затопалъ, въ ладоши захопалъ, и пошелъ кружить по палатѣ, то привскакивая, то присвистывая. И чудно показалось Садкѣ, что чѣмъ болѣе расходился Царь Морской, тѣмъ болѣе темнѣло кругомъ его палатъ море, тѣмъ грознѣе плескались волны о хрустальныя палатныя стѣны. Сталъ онъ громче и громче играть, сталъ быстрѣй и быстрѣе водить по струнамъ, — Царь Морской пустился въ присядку, сталъ крутиться и прыгать, какъ бѣшеный, а наверху поднялась буря, засвистали вѣтры, заходили волны — гора за горою. И подумалъ про себя Садко-кунецъ:

— „Отъ моей игры Царь Морской пляшетъ, а отъ его пляски буря на морѣ подымается, корабли разбиваетъ, гостей-корабельщиковъ топить. Ему потѣха, а другимъ — горе горькое. Не стану я больше его тѣшить, — пусть лучше я одинъ поплачусь своею головой, нежели другіе изъ-за меня терпѣть бѣды станутъ“. И

...и понесло его вверх пучиной морской...

Къ стр. 22-й.

онъ вдругъ такъ ударилъ по струнамъ, что онѣ звякнули, порвались и замолкли, а расплясавшійся Царь сталъ какъ вкопанный...

—Что-же ты это со мною сдѣлалъ? — закричалъ онъ зычнымъ голосомъ на Садку. — Я только было расплясался, а ты, неучъ косолапый, тутъ-то и порвалъ струны на гусяхъ! Сейчасъ почини гусли и сыграй мнѣ ту самую плясовую...

—Играть на гусяхъ умѣю, — отвѣтилъ Садко, — а чинить ихъ я не мастеръ.

—Играть умѣешь, а починить не умѣешь! Такъ убирайся же ты изъ моихъ палатъ, и чтобы духу твоего здѣсь не было!

И онъ своею перепончатой лапой далъ такого шлепка Садкѣ, что тотъ кубаремъ перелетѣлъ черезъ палату, вылетѣлъ за двери — и понесло его вверхъ пучиной морской, понесло и вынесло на берегъ. Какъ очнулся онъ, видитъ — кругомъ его городъ, и люди ходятъ, и говоръ родной слышенъ, и

колокольный благовѣстъ въ выси небесной разносится. Оглядѣлся Садко и узналъ Новгородъ, и самъ на себя надивиться не можетъ: самъ-то лежитъ на берегу а ноги въ Волховѣ.

Пошелъ Садко къ своему дому знакомыми переулками, видитъ—всѣ на него дивуются, съ дороги отъ него сторонятся, между собой шепчутся: „никакъ это Садко-купецъ, богатый гость, съ того свѣту пришелъ?“ Пришелъ Садко къ своему дому, видитъ—въ домѣ все попрежнему. Какъ вошелъ въ свою горницу, такъ всѣ и ахнули!

— Откуда тебя, батюшка, Богъ при-

несъ? Вѣдь мы сами тебя на доску сажали и въ пучину морскую спускали?

Отвѣчаетъ Садко прикащикамъ:

— Видно мнѣ отъ Бога въ пучинѣ смерть не написана!

Сбѣжались къ Садкѣ сосѣди и пріатели: всѣ на него смотрятъ и надивиться не могутъ, — всѣ его слушаютъ и наслушаться не могутъ... Только головами покачиваютъ, да бороды поглаживаютъ.

Какъ ужъ рассказалъ всѣмъ Садко свои странствія, спохватился онъ, что не видитъ у себя закадычнаго друга пріателя, Буслая Михалковича; спрашиваетъ о немъ Садко, за нимъ посылаетъ, самъ къ нему идти хочетъ... Говорятъ ему прикащики и пріатели:

— Вотъ ужъ три года скоро минетъ, какъ Буслай Михалковичъ переставился; и мы всѣ о немъ горько плакали, провожали его въ могилу всѣмъ Новгородомъ.

— Какъ? Три года? Да я, кажется, и всего-то недѣлю въ отлучкѣ былъ?

— Нѣтъ, Садко Сытиничъ! — гово-

рятъ ему прикащики; — цѣлыхъ восемь лѣтъ ты отсутствовалъ и ужъ мы тебя въ живыхъ видѣть не чаяли“.

Дивится Садко, въ затылкѣ почесываетъ и самъ никакъ въ толкъ взять не можетъ, — куда канули восемь лѣтъ? Подумаль, подумаль онъ, да и говорить:

— Жаль мнѣ друга милаго, Буслая Михалковича, жаль пріятеля хорошаго! Первый онъ меня научилъ уму-разуму; первый заставилъ меня отъ гордости одуматься, въ похвальбѣ спокаяться. У меня ему обѣщано, что я сына его научу уму-разуму.

— Охъ, храни тебя Богъ, Садко Сытиничъ! — отвѣчаютъ ему въ одинъ голосъ прикащики любимые. — У Буслая сынъ, Васька Буслаевичъ, такой буянъ, какого и въ свѣтѣ нѣтъ. Мимо его двора добрымъ людямъ и ходить бѣда!

— Да что же онъ? — разбойникъ, душегубецъ, что ли, какой?

— Нѣтъ, — говорятъ, — ни разбойникъ, ни душегубецъ, и малый-то добрый: го-

товъ бѣдному съ себя послѣднюю рубаху отдать... Да, на бѣду, одарилъ его Богъ силищей непомѣрной, вотъ онъ силою-то и хвалится, на всѣхъ силу пробуетъ, — всѣ кругомъ и валятся. А чуть гдѣ драка — онъ изъ первыхъ тутъ: стѣну на стѣну ведетъ, самъ впереди идетъ! И теперь подобралъ онъ себѣ такихъ же дородныхъ добрыхъ молодцевъ, какъ онъ же самъ и нѣтъ мимо его двора проѣзду ни конному, ни пѣшему, — шутить онъ со всѣми шутки недобрыя.

Выслушалъ Садко эти рѣчи, а самъ думаетъ:

— Былъ я безъ разума, хвалился богатствомъ, бился о великъ закладъ, что искуплю всѣ товары изъ Новгорода, — и поучилъ меня уму-разуму Буслай Михалковичъ, позналъ я суету похвальбы своей. Долженъ теперь и я его сына поучить уму-разуму.

И пошелъ онъ со двора своего къ дому Буслаеву.

Подходить и видить онъ — противъ

...рукава однорядки засушиваетъ....

Къ стр. 28-й.

дома улица жердью загорожена и на той жерди ярлыкъ висить скорописчатый; а на немъ и написано: „Кто посмѣетъ ту жердь сдвинуть и противъ моего дома по улицѣ пройти, тому со мной прійдется силы попробовать“.

Снялъ Садко ярлыкъ съ жерди, жердь бросилъ на землю, идетъ прямо къ Буслаю на широкій дворъ. Какъ откуда ни возмись, выскочилъ къ нему высокій, здоровенный, плечистый добрый молодець: лицо бородкой едва опушается, кудри русыя въ кольца завиваются. Подскочилъ къ Садкѣ, рукава однорядки засучиваетъ, плечи распрямливаетъ, кулачищами въ бока уперся;

— А ну-ка, говорить, давай, силой помѣряемся.

— Поздно мнѣ съ тобой, Василій Буслаевичъ, силою мѣряться! У тебя лицо еще только бородой опушается, а у меня борода по поясъ выросла. Я съ тобой пришелъ ни бороться, ни драться,—пришелъ тебя учить уму-разуму, по завѣту

отцовскому, по обѣту моему давнишнему.

Какъ услышалъ это слово Васька Бу-
слаевичъ, такъ снялъ шапку, Садкѣ въ
поясѣ кланяется:

— Вѣрно, ты Садко Сытиничъ—и ни
кто другой? Кто бы смѣлъ меня, кромѣ
Садки, учить уму-разуму, того бы я че-
резъ заборъ прыгнуть заставилъ. А о
Садкѣ купцѣ покойный батюшка мнѣ не
разъ говаривалъ, что придетъ онъ ко мнѣ
въ гости, какъ вернется изъ-за моря.

И позвалъ онъ Садку къ себѣ въ па-
латы, угостилъ его, чѣмъ Господь по-
слалъ. Отвѣдавъ его хлѣба соли, сказалъ
Садко Василью Буслаевичу:

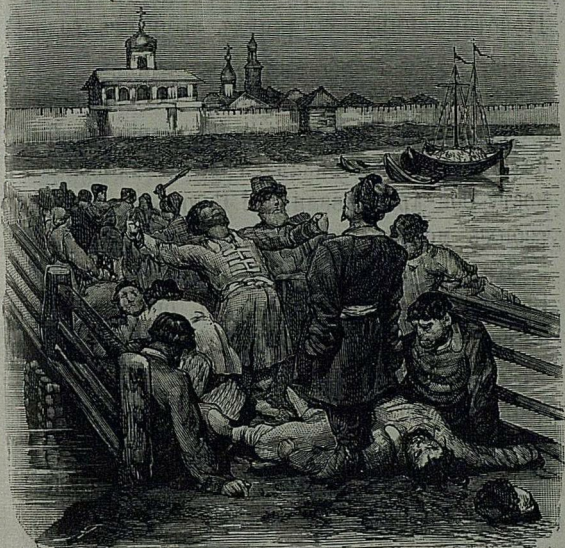
— Идетъ о тебѣ, Васенька, славушка
не добрая! Говорять, будто ты силой
своей бахвалишься, будто гдѣ драка—ты
туда первый идешь, стѣну на стѣну ве-
дешь, будто ты по себѣ подобралъ шайку
добрыхъ молодцевъ, и нѣтъ мимо твоего
двора проходу ни конному, ни пѣшему—
со всѣми шутишь ты шутики недобрыя!

Смутился той рѣчью Васенька; говорить Садкѣ:

— Кажется, я никого не убилъ, не стубилъ, не обидѣлъ; кажется, и бѣднымъ отъ меня отказу не было,—не жалѣлъ на нихъ достатку отцовскаго. А что вотъ подраться, побороться, силу попробовать, это я точно люблю; и еще не встрѣчалъ себѣ супротивника! Да, кажется, и встрѣтить-то не прійдется мнѣ? Еслибы вышелъ на меня и весь Новгородъ,—побилъ бы я его со своими добрыми молодцами.

— Такъ и я думалъ, какъ былъ въ твои лѣта: ты хвалишься силою, а я хвалился богатствомъ, хотѣлъ на свою казну нисчетную искупить въ три дня всѣ товары новгородскіе. Побился съ отцомъ твоимъ о великъ закладъ—и узналъ тогда, что богаче меня Господинъ Великій Новгородъ!

— Эхъ, Садко Сытиничъ, ты узналъ да спокаялся; какъ увижу я, что сильнѣй меня Господинъ Великій Новгородъ, я и самъ ему покорюся. А до той поры буду все

Закипѣла на мосту битва великая...

Къ стр. 33-й.

силушкой хвастаться, на своихъ добрыхъ молодцевъ надѣяться.

Чуть только сказалъ онъ эти слова, вбѣжалъ въ палату къ Васенькѣ Костя Новоторженинъ, крикнулъ зычнымъ голосомъ:

— Ты что тутъ сидишь, Васька, прохлаждаешься, аль надъ собою невзгодушки не вѣдаешь? Завязалась на Волховскомъ мосту бой-драка великая! Бьютъ на смерть твоихъ молодцевъ мужики новгородскіе.

Какъ вскочить на рѣзвы ноги Васька Буслаевичъ, какъ крикнетъ онъ на весь широкій дворъ:

— Собирайтесь вы ко мнѣ, удалые добрые молодцы, соходитесь мои товарищи любезные, пойдемъ на мостъ своихъ выручать, пойдемъ биться со всемъ Великимъ Новгородомъ!

Собралъ всю ватагу, пустился бѣгомъ къ Волховскому мосту, не простился съ Садкой Сытиничемъ, позабылъ и шапочку на лавочкѣ.

Зазвонили въ набатъ во всемъ Новго-

родѣ, сталъ сбѣгаться къ мосту весь городъ... Кто покрѣпче, похрабрѣе, тотъ впередъ торопится; кто поплоче, тотъ ему за спину хоронится. Всѣ кричатъ въ одинъ голосъ: „разбуянились у насъ удалые добрые молодцы! расходился Васька Буслаевичъ! Не слушаетъ онъ ничьего уговора,—пойдемъ его унимать всѣмъ Великимъ Новымъ городомъ!

Закипѣла на мосту битва великая. Бьются Васька съ товарищами противъ всего Великаго Новгорода,—бьются первый день до вечера... И не могутъ ихъ одолѣть горожане Новгородскіе. Бьются молодцы второй день до вечера—слабѣютъ ихъ силушки, рѣдѣетъ ихъ дружинка, и растетъ да растетъ на нихъ сила новгородская. Бьются третій день до полудня—и полегли всѣ на мосту до одинаго, а которые цѣлы остались, сами въ Волховъ побросались... Побѣдилъ Васеньку Господинъ Великій Новгородъ, унялъ силу буйную, развеличивую. Ележивъ выплылъ Васенька на берегъ, еле-

живъ добрался до своихъ хоромъ, упалъ на порогъ — голосомъ плачетъ, причитаетъ, своихъ друзей, товарищей поминаетъ. Взялъ его Садко-купецъ подъ руки, положилъ на постелю пуховую, сталъ его раны лѣчить, сталъ его утѣшать - уговаривать. И сказалъ ему Васенька Буслаевичъ:

— Правъ ты былъ, Садко Сытиничъ!.. Силенъ я былъ, Васька Буслаевъ сынъ, сильнѣй меня не было въ городѣ, — а сильнѣй меня Господинъ Великій Новгородъ!

— То-то ты и помни, дитяtko, что и мнѣ мое богатство, и тебѣ твоя си-

лушка великая не нами даны, а Господомъ Богомъ! Не намъ Его дарами величаться, а Ему же служить ими, Всесильному.

— Ну, теперь я тебя послушаю: какъ хочешь меня кори, на умъ-разумъ меня наводи.

И сталъ его Садко вразумлять, сталъ его на добро научать.

— У меня Садки казна несмѣтная, у тебя Васеньки сила великая! Дай сослужимъ мы Великому Новгороду службу посылную, Богу угодную. Снарядимъ мы тридцать корабликовъ, соберемъ на нихъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ, становись ты надъ ними начальникомъ; и плывите внизъ по матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ, что до тѣхъ ли до татарскихъ городовъ, гдѣ живутъ злые мурзы-татаровья, держатъ много русскихъ полоняниковъ. Разори ты ихъ городъ съ улусами, сокруши всю ихъ силу несмѣтную, избавь русскихъ полоняниковъ, очисти Новгороду дорогу торговую. А я тѣмъ временемъ церковь по-

строю, а при церкви широкій дворъ, чтобы могъ на тотъ дворъ идти всякій голодный и немощный—и вѣсьмъ будетъ пріють, хлѣбъ да помочь.

Согласился съ Садкою - купцомъ удалый добрый молодецъ Васенька Буслаевичъ. Какъ оправился отъ ранъ да отъ истомы, сталъ собирать себѣ дружинку удалую, чтобы ѣхать съ той дружиною во дальнюю сторонущку незнакомую, гдѣ живутъ живутъ злые мурзы-татаровья, православныхъ людей въ лютой неволѣ держать. Собираючи дружину онъ всѣхъ пробовалъ, молодца къ молодцу подбиралъ умѣючи: чтобы зналъ молодецъ копьемъ владѣть, чтобы умѣлъ молодецъ на конѣ сидѣть, чтобы умѣлъ онъ съ тугого лука стрѣлу спустить. Коли все это умѣетъ добрый молодецъ, подведетъ его въ ту пору Васенька къ булатному шелому, тотъ шеломъ на столбъ дубовъ насадить, и велитъ въ шеломъ бить булавой, сѣчь его мечомъ или чеканомъ. Коль пробьетъ шеломъ или прорубить,—

... и велитъ въ шоломъ бить...

Къ стр. 36-й.

поступай къ нему въ дружину, приходи его хлѣба-соли кушать; не пробьетъ, такъ не прогнѣвайся,—уходи долой съ двора его широкаго.

Подобралъ себѣ дружину Васенька-Буслаевичъ, снарядилъ ее доспѣхомъ ратнымъ; всѣмъ оружье роздалъ, луки, стрѣлы, копья, всѣмъ мечи привѣсилъ съ боку, всѣмъ щиты далъ въ лѣву руку. А тѣмъ временемъ и Садко не дремалъ же: снарядилъ онъ Васенькѣ тридцать лучшихъ корабликовъ, изукрасилъ тѣ кораблики снастями, парусами, якорями, посадилъ на нихъ гребцовъ умѣлыхъ, на кормѣ поставилъ кормщиковъ искусныхъ, а дружинѣ въ нихъ устроилъ чердакъ съ покрывкою и со лавками ковровыми. И въ канунъ отъѣзда Васеньки пришелъ Садко къ нему въ гости; говоритъ:

—Готовы тебѣ, Васенька, кораблики, поѣзжай съ Богомъ въ сторону бусурманскую, избавляй православныхъ полоняниковъ изъ злой неволи, привози ихъ на Русь-матушку изъ чужедалней сторонущ-

ки. Только помни завѣтъ отцовскій и мой тебѣ совѣтъ дружескій: не хвались ни силою, ни храбростью, ни удалью. Если будетъ вамъ удача въ дѣлѣ и побѣда,—воздавай за то хвалу и честь лишь Богу! Въ Немъ вся наша крѣпость и надежда! Если же этотъ мой совѣтъ забудешь,—не сносить тебѣ головушки на плечахъ.

Собрался весь Новгородъ Великій провожать дружину удалцовъ въ походъ далекій, трудный. Сѣли молодцы въ кораблики, попрощались съ милыми друзьями да съ родными, поклонились всему народному множеству, попросили не поминать себя лихомъ, а затѣмъ усердно на святую Софью помолились,—снялись съ якорей и поплыли. Пожелали имъ добрые люди путь легкій, возвратъ короткій—и по домамъ пошли.

Плыли наши молодцы долго ли, коротко ли, проплыли они всѣ русскіе города, вступили въ землю незнакомую, въ воды безвѣстныя. На пути разбойничьи корабли встрѣчали, побивали и на дно

пускали. Бились долго съ разными невзгодами:—наторпѣлись голоду и холоду, наторпѣлись страховъ и напастей всякихъ. Наконецъ до брались до улусовъ и до городовъ татарскихъ, гдѣ владѣли злые мурзы и держали православныхъ въ лютой неволѣ. Стали добрые молодцы съ тѣми мурзами биться—бились безъ малаго три года, всѣ улусы ихъ и города раззорили, всю ихъ рать—силу великую прикрошили, путь къ морю торговый очистили, избавили православныхъ полоняниковъ отъ лютой неволи.

А тѣмъ временемъ день за днемъ идетъ, какъ трава растеть, недѣля за недѣлею, мѣсяцъ за мѣсяцемъ спѣшить, торопится, годъ за годомъ уносится... Выстроилъ Садко, по обѣту, церковь Божию, построилъ рядомъ съ ней широкій дворъ, и открылъ тотъ дворъ всѣмъ голоднымъ и немощнымъ, — всѣмъ даетъ пріютъ, хлѣбъ да помощь. И ходитъ Садко каждый день на берегъ Волхова, всѣхъ пріѣзжихъ корабельщиковъ допрашиваетъ: не слышали

И ходитъ Садко на берегъ Волхова...

Къ стр. 40-й.

ли чего о Васенькѣ Буслаевѣ, о его дру-
жинушкѣ храброй. И отъ всѣхъ онъ слы-
шитъ одинъ отвѣтъ:

— Далеко мы ѣздили, торговали, много
земель чужихъ видали, а о Васенькѣ
ничего не слышали.

И опять ходитъ Садко-купецъ на бе-
регъ Волхова, опять корабельщиковъ рас-
прашиваетъ и удалаго добраго молодца
изъ похода поджидаетъ.

И вотъ, слышитъ однажды, всполошился
весь Новгородъ. Бѣгутъ къ Садкѣ его
прикашики любимые, кричатъ издали:

— Ступай скорѣе на берегъ! Встрѣ-
чай Васеньку Буслаева, — подплываютъ
къ берегу его тридцать корабликовъ.

Вскочилъ Садко, побѣжалъ на улицу,
какъ дома сидѣлъ, — позабылъ шапочку на
лавочкѣ, опояску на лежаночкѣ. Бѣжитъ
къ берегу, — точно, видитъ, сбѣжался туда
же весь Новгородъ, и подходятъ-подплы-
ваютъ къ берегу тридцать корабликовъ,
спускаютъ бѣлые парусы, бросаютъ тяжелые
якори, кладутъ на берегъ сходни ковровыя.

Вотъ сошли на берегъ удалые добрые молодцы, свели съ кораблей полоняниковъ православныхъ, снесли добычу несмѣтную, навалили на берегу грудями камни самоцвѣтные, атласы и бархаты, поставили корчаги, насыпаны жемчугомъ... Всѣ другъ съ другомъ цѣлуются, братаются; всѣ возврату добрыхъ молодцевъ радуются, спѣшать Бога благодарить въ соборную церковь—и не видитъ Садко между молодцами одного Васеньки Буслаева.

И сталъ Садко о немъ добрыхъ молодцевъ спрашивать—и никто ему о Васенькѣ словечка вымолвить не хочетъ:

— Да что же это, братцы, за дѣло такое?—крикнулъ на нихъ Садко громкимъ голосомъ.—Три года вы безъ малаго на чужбинѣ пробыли, сколько добраго дѣла сдѣлали, сколько удачи приняли, а не хотите сказать намъ про главнаго удачника, про вашего удалаго начальника—молодого Васеньку Буслаева? Не сойду я съ мѣста, не пущу отсюда васъ ни единого, пока вы мнѣ о Васенькѣ всей правды

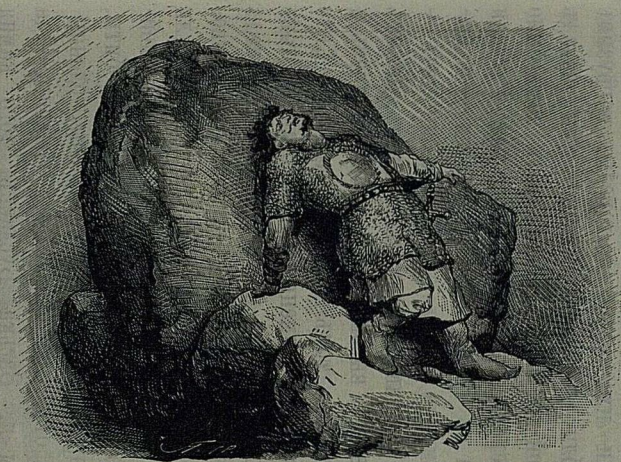
не повѣдаете: гдѣ онъ, соколъ нашъ, остался, или гдѣ сложилъ свою буйную головушку? чтобы мы могли добрымъ словомъ его удачу помянуть, либо въ церкви Божіей за его душу помолиться.

И сбились въ кучу удалые добрые молодцы, — молчатъ, головы повѣсили; и вышелъ изъ нихъ старшій товарищъ, говорить за всѣхъ:

— Садко Сытиничъ, купецъ-богатый гость! Заставляешь ты насъ слезы лить на радостяхъ, заставляешь о горѣ вспоминать неисходномъ. Нѣтъ съ нами Васеньки Буслаева, не исполнилъ онъ твоего совѣта, отцовскаго завѣта и погибъ лютою смертію.

— Расскажи, удалый добрый молодецъ, какъ Васенькѣ смерть приключилась?

— Заѣхали мы съ Васенькой въ чужую дальнюю сторону незнакомую, всякихъ мы напастей натерпѣлися, бились на смерть съ бусурманами, прикрошили ихъ рать-силу несмѣтную, полоняниковъ всѣхъ на волю выпустили — очистили до моря путь-дорогу торговую. И все то Васенька

... перепрынулъ, да ударился о камень буйной головою...

Къ стр. 47-й.

шелъ въ начальникахъ, все впереди бился, всюду первымъ былъ и намъ путь показывалъ. Одолѣвши бусурманъ, разоривши ихъ улусы и города, нагрузивъ корабли добычею, поплыли мы назадъ Волгой-матушкой. Подплывать намъ было къ берегу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Русская земля съ чужой землей сходится,—и вышли мы на берегъ отдохнуть, погулять—себѣ косточки поразмять. Видимъ, лежитъ на берегу высокій бѣль-горючъ камень и стоитъ на томъ камени надпись: „кто черезъ тотъ камень прыгать станетъ, тотъ съ мѣста живъ не встанетъ“. Прочелъ Васенька ту надпись — усмѣхается, говоритъ всѣмъ намъ, похваляется: „Я ли тотъ камень не перепрыгну! Моей силой-храбростью разбойничьи корабли побиты, три орды мурзамецкія сокрушены, полоняники отъ злой неволи освобождены,—да чтобы я, Васька Буслаевъ, того камня не перепрыгнулъ!“ Стали мы его останавливать, удерживать,—да куда тебѣ! Какъ рванулъ онъ, какъ тряхнулъ пле-

чами могутными,—всѣ мы, словно листья съ дерева посыпались... Первый разъ онъ черезъ камень прыгнулъ—не допрыгнулъ; второй разъ, съ разбѣга прыгнулъ—перепрыгнулъ, да ударился о камень буйной головошкой... Тутъ Васенькѣ и славу поютъ!

Закручинился о Васенькѣ Садко и сказалъ таково слово:

— Не отъ насъ сила и богатство! Не себя ими, братцы, величайте, а Творцу всеильному хвалу и радость воздавайте!

Такъ сказалъ онъ добрымъ молодцамъ на послушанье, а старымъ старикамъ на утѣшенье.

